

# Нерушимая тишина

Лев Маркиз дирижировал Госоркестром

Среди столичных оркестров высшей лиги Госоркестр кажется самым неприметным. Не проводит собственные мегафестивали, не участвует в скандальных аферах, не заывает на презентации суперпроектов, не поражает воображение аудитории новаторскими тематическими программами или эпохальными премьерями. Лишь изредка попадает, опять же без шумихи вокруг, в руки умеренных мировых знаменитостей, не возбуждающих ажиотажа. Оркестр путешествует по подмосковным городкам, идущие в консерватории программы дублирует в зале Чайковского и время от времени навещает далекие регионы, таким способом делая свое искусство достоянием широкой общечеловечности. Если и нарушается иногда тишина вокруг ГАСО, то лишь молвой народной (например, о триумфе недавних гастролей в граде Петровом). Так что Госоркестр – как мастер-пекарь, заботящийся о хлебе насущном, в то время как его соседи по музыкальной ярмарке соперничают друг с другом в производстве всевозможных пирожных, тортов и прочих замысловатых кулинарных изделий. И не испытывает сей пекарь недостатка в посетителях, ибо хлеб нужен всем.

В эту спокойную картину прекрасно вписывается абонемент ГАСО "Классика – forever", концерт в рамках которого прошел в четверг в Большом зале консерватории. Действительно, все тут ясно: вечные шедевры классической музыки по филармонической схеме: концерт плюс симфония. Ну а "forever" вместо национального "навсегда" – видимо, для того, чтобы приобщить молодежь и объяснить с нею, погрязшей в Интернете и басурманском аргументе, попонятнее. Впрочем, в программке название абонемента почему-то не отражалось. Она просто сообщала о том, что в первом отделении будет Первый концерт Шопена, а во втором – Третья симфония Брамса; что за пультом выступит наш бывший соотечественник, а нынче голландский подданный Лео Маркиз (еще два года назад выступавший с ГАСО под именем Льва), а солировать в концерте будет также бывший россиянин (теперь британец) – Дмитрий Алексеев, надо заметить, гость нечастый.

Пианист Дмитрий Алексеев – из тех, кто предельно ясен в своих намерениях. А чем понятнее замыслы, тем обиднее их неосуществление по чисто техническим причинам. Увы, в тот вечер не все идеи были воплощены, и все же все они были поняты. Алексеев – в прошлом победитель нескольких солидных конкурсов,

включая Конкурс Чайковского (1974) – умеет говорить посредством рояля совершенно современным, живым языком, во многом благодаря его несколько прохладному туше и манере, лишенной и изнеженности, и вычурности, и ударности. В особенности хорошо это слышно в исполнении концертов Шостаковича (Алексеев записал их с Английским камерным оркестром под управлением Эжи Максимиюка, и это исполнение выдерживает многие и многие сравнения). Но у Алексеева, с полуслова понимающего Шостаковича – автора киномузыки, талера, философа и виртуоза, – и Шопен говорит просто и современно. Если у других пианистов он изрекает: "Примите уверения в совершеннейшем к вам почтении", то у Алексеева выражается: "Всегда ваш, Фридерик". Медленную часть концерта вместо акварельного пейзажа Алексеев представил некой кинозарисовкой, а первую часть и финал – динамичными документальными сюжетами. Оркестр же, которому надлежало всего лишь сыграть аккомпанирующую роль, оставался безучастным к солисту. И даже когда последний выкладывался в эмоциональных кульминациях, он не находил поддержки.

Холодностью обдала и симфония Брамса, будучи избавлена от драматических коллизий, найденных Соллертинским, и сохранив лишь асафьевское "обобщенное наблюдение". Правда, Асафьев говорил еще о наблюдении "выверенном и взвешенном". Сколь ни выверял и взвешивал маэстро, симфония приобрела задумчиво-унылый облик, сулящий всем "тоской изойти" вслед за Пастернаком. Allegro Moderato первой части больше походило на Moderato Pesante. Вторая часть (Andante – "шагом") ступала устало. Знаменитое Allegretto в своей грусти достигло полнейшей безысходности, подчеркнута неизбывно-печальным соло валторны. И лишь Финал, чуть более динамичный, нежели остальные части, приблизил услышанное к ожидаемому. Возможно, такой результат объясняется склонностью маэстро Маркиза к невозмутимому лирико-эпическому повествованию, к максимальной сглаженности контрастов и волнообразной динамике, варьирующейся лишь в пределах от mezzo-piano до mezzo-forte. Отчасти сюда наложился и глубоко сидящий в музыкантах известный запрет худрука ГАСО "поддавать" звук и предаваться страстям. Так и прошел еще один концерт Госоркестра, не рассчитанный на обширный резонанс и не нарушивший привычной уже тишины вокруг его имени.

Татьяна ДАВЫДОВА

Кувалда, – 2004, – 3-9 июня, – с. 13